

ДО ХАЙ ФОНГ
ДОСТОЕВСКИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ¹

I. 1900–1954 гг.

Первые попытки освоения достижений русской классической литературы во Вьетнаме относятся к периоду, когда страна была французской колонией. Новизну в филологическую культуру Вьетнама внесли первые вьетнамцы, получившие европейское образование. Эти веяния возникали и в связи с общим стремлением освободить страну от колониального гнета. Уже сложившееся к тому времени культурное влияние на Вьетнам со стороны Франции и Китая представители национальной творческой интеллигенции стремились преодолеть, опираясь на альтернативную культурную традицию. В этом качестве во Вьетнаме оказалась востребованной русская культура.

Первые контакты вьетнамской читающей публики с русской литературой произошли через французские переводы русских текстов. Роман Л. Н. Толстого «Воскресение», переведенный Хоа Чунгом (Hoà Trung) в 1927–1928 гг. и опубликованный в периодическом издании «Тьенг Зан», стал первым переводом русской классики на вьетнамский язык.

Произведения Достоевского пришли к вьетнамскому читателю несколько позже. Этому способствовали несколько экранизаций произведений писателя: в 1935 г. на экран вышли два фильма по мотивам «Преступления и наказания» режиссеров П. Шеняля (Франция) и Дж. фон Штернберга (США). Показ этих фильмов вызвал большой интерес к творчеству Достоевского. Согласно свидетельству писателя Нгуен Хонга (Nguyễn Hồng), произведения Достоевского «согрели» его душу².

Интерес к Достоевскому в эти годы в стране развивался не без внимания к оценкам творчества русского писателя со стороны деятелей французской литературы (Э.-М. Вогуэ, А. Жида, Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Пруста, Р. Роллана). Писатель То Хоай (Tô Hoài) рассказывает: «Шедевры русской классики, пусть тогда еще во французских переводах, пришли к нам, в далекую страну на берегу Восточного моря.

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Рецепция зарубежной литературы XIX–XX вв. во Вьетнаме», осуществляемого при поддержке Вьетнамского научного фонда (NAFOSTED) (грант VIII.3-2011.16).

² *Nguyễn Hải Hà*. Khát vọng hài hòa // Báo Văn nghệ. 1981. 14 Tháng 10. Tr. 5.

Мы зачитывались „Преступлением и наказанием“, „Братьями Карамазовыми“, „Белыми ночами“»³.

Сложные философские проблемы, которые поднимал Достоевский в своем творчестве, вызывали большой интерес вьетнамцев, а у ряда вьетнамских писателей — и стремление к подражанию. Одновременно все более и более глубоким становилось понимание тайн психологии человека, открытых русским писателем в его произведениях. Было предпринято несколько попыток создания литературных переложений произведений Достоевского на современную вьетнамскую почву.

В 1938 г. Хо Бьеу Чань (Hồ Biếu Chánh), уже имевший такого рода опыт переложения романов А. Дюма и В. Гюго, выпустил роман «Отчаянный человек», в котором интерпретировал сюжет «Преступления и наказания» Достоевского, причем указание на первоисточник текста было дано самим автором. В этом романе-интерпретации Хо Бьеу Чань перенес действие романа Достоевского в городок южного Вьетнама, поменял имена действующих лиц на вьетнамские. Адаптируя роман к этим условиям, он упростил сюжетную линию, сократил число персонажей и не стал включать в свое произведение все наиболее сложные психологические коллизии. Фабульная основа романа Хо Бьеу Чаня также неполностью совпадает с «Преступлением и наказанием». В версии вьетнамского писателя один романтически настроенный молодой человек вначале написал статью о возможности «преступления во имя справедливости», затем убил и ограбил богатую старуху, чтобы помочь семье «честной» проститутки и своим матери и сестре, после чего раскаялся, стал отшельником и нашел душевное успокоение в дзен-буддизме.

Другой линией в освоении творчества русского писателя стало создание произведений с оригинальным сюжетом, но при использовании стилевых и литературно-поэтических приемов Достоевского. Таков роман Ньят Линя (Nhật Linh) «Белая бабочка» (1938–1939 гг.), в котором читатель без труда мог узнать некоторые коллизии, поэтические фигуры, сюжетные эпизоды и психологические мотивировки, характерные для романов Достоевского. «Белая бабочка» представляет собой историю психологического раздвоения личности молодого интеллигента, в глубине души жаждущего жить «чистой жизнью». Главный герой романа Чьонг болен туберкулезом и находится в тяжелом моральном кризисе, который характеризуется приступами отчаяния, равнодушного отношения к добру и злу, мыслями о возможности совершить преступление. Чьонг — первый во вьетнамской литературе персонаж, совмещающий остроту самосознания со сложной психологической мотивировкой поступков. В создании своего героя, находящегося в пороговом экзистенциальном состоянии, писатель опирался на опыт Достоевского, изобразившего «подпольного» парадоксалиста, сладострастника Свидригайлова, искателя правды Раскольникова, а также Ипполита,

³ *To Хоай*. Предисловие // Нам Као, Нгуен Хонг. Избранное. М., 1979. С. 9.

Аркадия Долгорукого и Дмитрия Карамазова. Роман Ньят Линя оказался не только удачным опытом литературного подражания Достоевскому, но и положил начало экзистенциальной традиции в рецепции творчества Достоевского во Вьетнаме.

Первый перевод произведений Достоевского на вьетнамский язык состоялся в 1939 г., когда в журнале «Тао Дан» был опубликован небольшой отрывок из «Бесов» под названием «Бог нужен»⁴. Это фрагмент II части главы 7, содержащий рассуждение Шатова об оправданности и необходимости «поиска Бога» каждым народом. Фрагмент вышел в переводе Лан Хая (Lan Khai), который оправдывал выбор текста тем, что в отрывке содержится вопрос «жизни и смерти и для нашего народа». Достоевский привлек вьетнамского писателя вопросом необходимости искания «Бога своего, непременно собственного <...> как единого и истинного». Этот призыв не получил широкого общественного резонанса, а опубликованный фрагмент «Бесов» оставался единственным переводом Достоевского вплоть до 1954 г.

Однако адаптированное переложение произведений Достоевского применительно к вьетнамской культуре в эти годы продолжалось. В 1940 г. Ву Банг (Vũ Bằng) опубликовал роман «Преступление и раскаяние», сблизив в нем фабульную идею «преступления во имя справедливости» и детективного жанра. В этом произведении много буквальных совпадений с романом Достоевского: образованный молодой человек пишет статью о возможности совершить преступление ради справедливости, затем, исполняя задуманное, убивает мачеху и своего брата ради обладания наследством. В конце произведения следователь обвиняет его в убийстве, герой раскаивается и кончает жизнь самоубийством. В 1941 г. Ву Банг написал также повесть «Не отчаивайся!» по мотивам «Белых ночей» Достоевского. Эта повесть получила неоднозначную оценку читателя из-за не слишком корректного использования первоисточника⁵.

Параллельно появлялись новые переложения произведений Достоевского, однако уже в затухающем ритме — период «ученичества» вьетнамской литературы оставался позади. В творчестве вьетнамских писателей середины XX в. можно обнаружить следы влияния психологических мотивировок, композиции, сюжетной организации, свойственных произведениям Достоевского. Это произведения Тхач Лама (Thạch Lam) (рассказы «Нервный срыв», «Волос», «Голод», «Возвращение»), Нам Као (Nam Cao) (повесть «История соседа», рассказы «Чи Фео», «Старик Хак», «Жить в смиренности»), Ву Чонг Фунга (Vũ Trọng Phụng) (роман «Гроза», «Быть проституткой»), Нгуен Туана (Nguyễn Tuân) (цикл «Тени и отзвуки времени»).

⁴ Dostoevski F.M. Cần có một ông trời / Lan Khai dịch // Tao Đàn. 1939. N 3. 1 Tháng 4. Tr. 4.

⁵ Vũ Ngọc Phan. Nhà văn hiện đại. Tp. Hồ Chí Minh, 1989. Tr. 1006–1007.

Эти процессы в литературной культуре Вьетнама практически оставались в период Августовской революции 1945 г. и Войны сопротивления против французских захватчиков (1946–1954): по свидетельству Нгуен Туана, «в то время некогда было думать о Достоевском»⁶.

II. 1954–1975 гг.

С 1954 по 1975 г. Вьетнам был разделен на два государства с различными политическими системами, однако именно в этот период закладывалось начало полноценного осмысления творчества Достоевского.

1. В Северном Вьетнаме

С 1954 г. на севере Вьетнама в связи с распространением русского языка вьетнамские читатели могли в оригинале познакомиться с произведениями русской литературы. Кроме того, на достаточно высоком уровне были сделаны переводы русских текстов на вьетнамский язык. К этому периоду относится возникновение вьетнамской русистики. Появились филологи, которые начали систематически изучать творчество русских и советских писателей — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, В. В. Маяковского, К. Г. Паустовского. В этом ряду Достоевский был исключением: социалистическая идеология оказалась помехой в популяризации и изучении его творчества. Под влиянием известного отношения М. Горького к «карамазовщине»⁷ писатели и литературоведы Северного Вьетнама весьма осторожно подходили к творчеству «злого гения» — Достоевского. В Демократической Республике Вьетнам, как и в Советском Союзе, было принято четко отделять Достоевского как художника и «критика капитализма» от Достоевского как носителя «карамазовщины» и концепции религиозного смирения. В связи с этим с 1954 по 1975 г. во Вьетнаме не появилось ни одного перевода произведений Достоевского. В первом вузовском пособии по русской литературе (1964 г.) содержалось несколько строк о Достоевском как «великом», но «слишком противоречивом писателе», написавшем «произведение против революционно-демократической молодежи» и «патологически» пропагандирующем «антипрогрессивное» почвенничество и «философию смирения перед страданиями»⁸. Однако официальная точка зрения

⁶ *Nguyễn Tuấn*. Đốt-xtôi // *Tuyển tập Nguyễn Tuấn*. Hà Nội, 1982. Tập 2. Tr. 409.

⁷ Книги «М. Горький о литературе» (М., 1955) и «М. Горький. Письма о литературе» (М., 1957) были переведены и изданы в составе двухтомника «М. Горький о литературе», впервые опубликованного в 1965 г., переизданного в 1970 г. Известные статьи Горького о «карамазовщине» были опубликованы в первом томе этого издания: *Gorki bàn về văn học*. T. 1. Hà Nội, Nxb Văn học, 1970. Tr. 152–169.

⁸ *Hoàng Xuân Nhị*. *Lịch sử văn học Nga*. Hà Nội, 1964. Tr. 25.

на творчество Достоевского не смогла стать препятствием для писателей и литературоведов, которые интересовались его произведениями.

Высокая оценка художественных достижений писателя содержится в лекции Нгуен Туана «Дос-той»⁹, прочитанной в ханойском клубе «Доан Кэт» в 1956 г., где Достоевский предстал как «вершина литературы», а его произведения — как «крик души о любви и счастье, о справедливости и истине». Согласно мнению Нгуен Туана, в романах Достоевского, «творящего, живущего, мыслящего в экзальтированном состоянии», противопоставлены «высокое и обыденное» реальной жизни. Особое внимание Нгуен Туан обратил на персонажей Достоевского, «выходящих за рамки» — «больных», «голодных душой» людей «переходного времени»: «Достоевский мыслит персонажами <...>. Персонажи Достоевского — носители беспредельных страстей. Они требуют человеческого бытия вне реальности»; «Они живут ради поиска ответа на неразрешимые вопросы жизни»; их диалоги и монологи свидетельствуют не только о том, что «они собираются делать, но и что они скрывают, в чем не смеют признаться». Нгуен Туан подразделил персонажей Достоевского на два типа — «смиранных» и «гордых» — и сделал ряд тонких замечаний о творческой манере писателя. Однако в заключение своего доклада вьетнамский писатель вернулся к отделению Достоевского-художника от Достоевского-мыслителя: «Творческий гений великого художника одерживал победу над Достоевским-мыслителем. Мыслитель Достоевский всё же ошибся, ибо он жил в эпоху тьмы, луч света был ему недоступен»¹⁰.

Нгуен Туан представляет старшее поколение творческой интеллигенции Вьетнама. В среде молодых филологов и писателей северного Вьетнама, согласно свидетельству Вьонг Тьи Ньяна (Vuong Tri Nhan), «до 1975 г. часто упоминалось имя Достоевского <...>, негласно передавалось от одного к другому, и представление о его творчестве постепенно прояснялось и обогащалось»¹¹.

2. В Южном Вьетнаме

На юге Вьетнама Достоевский привлекал в себе читателей не только как классик мировой литературы, но и как признанный родоначальник многих современных философских направлений (нищестанства, экзистенциализма, фрейдизма). Мнения авторитетных представителей этих идеологических направлений о Достоевском и поощрение государством «антикоммунистической тенденции»¹² русского писателя стимулировали популяризацию переводов его произведений.

⁹ В переводе с вьетнамского «Дос» — Достоевский, «той» — я. Этим своеобразным названием Нгуен Туан выражал свои симпатии к Достоевскому.

¹⁰ *Nguyễn Tuân. Đốt-xtôi // Tuyên tập Nguyễn Tuân. Hà Nội, 1982. Tập 2. Tr. 409.*

¹¹ *Vương Trí Nhân. Một hồ sơ nhỏ về Dostoevski // Văn học nước ngoài. 1996. N 6. Tr. 215.*

¹² *Lê Tôn Nghiêм. Cộng sản Nga dưới con mắt một người Nga // Sài Gòn, Tư tưởng. 1972. N 5. Tr. 25.*

После перевода отрывка романа «Идиот» под названием «И это тоже человеческая судьба», опубликованного в журнале «Культура сегодня» (1959, №9), несколько произведений Достоевского были переведены на вьетнамский язык: «Записки из подполья» (1963), «Игрок» (1964), «Преступление и наказание» (1965), «Вечный муж» (1969), «Двойник» (1972), «Бесы» (1972), «Братья Карамазовы» (1972), «Идиот» (1973), «Бедные люди» (1974), «Подросток» (1974). Качество этих переводов было невысоким, одна из причин — переводы делались с источников, написанных на английском или французском языках. Переводчики, лишенные возможности работать с подлинниками, сами сознавали недостаточность своего труда и при переизданиях довольно часто исправляли текст или выпускали разные варианты перевода. Некоторые произведения Достоевского переводились неоднократно: «Записки из подполья» и «Братья Карамазовы» — дважды, «Преступление и наказание» — три раза.

В Южном Вьетнаме в это время не было филологов, специализировавшихся на русской литературе, поэтому интерпретацию произведений Достоевского в виде вступительных статей и послесловий предлагали сами переводчики текстов, опираясь на оценки западноевропейских и русских писателей (Ф. Ницше, З. Фрейд, Г. Гессе, А. Жида, Ж.-П. Сартра, С. Цвейга, П. Паскаля, В. Розанова, Д. Мережковского, Л. Шестова, Н. Бердяева, А. Труайя, Л. Тарасова, М. Слонима)¹³. Эти статьи и устные выступления, а также интерпретации произведений Достоевского легли в основу изучения и осмысления творчества русского писателя в Южном Вьетнаме.

Для читателей Вьетнама Достоевский был более «трудным» писателем по сравнению с Толстым, прежде всего из-за «манеры письма». Писатель Ньят Линь в брошюре «Создание и чтение романа» (1961) отметил: «Сомнения Толстого (особенно в старости) существенно иные, нежели патологические судороги Достоевского. Манера Толстого всегда прозрачно-простая, как бы обыденная, но всё же очень глубокая. Манера Достоевского, напротив, тяжелая, трудно понимаемая, будто кругом обворожительная... что-то недосказанное чувствуется и освещает глубины жизни»¹⁴. Чинь Чуэт (Trịnh Chúyết) в «Словаре знаменитых личностей» (1964) жаловался: «Его [Достоевского] романы слишком сложны, с трудом понимаемы, многосоставны, местами чересчур темны и ужасны»¹⁵. Нгуен Хьен Лэ (Nguyễn Hiền Lê) понимал «манеру

¹³ Многие отдельные высказывания и даже целые трактаты перечисленных авторов о Достоевском были переведены на вьетнамский язык. Эти переводы были опубликованы или вместе с переводами произведений Достоевского (например «Братьев Карамазовых»: *Dostoevski F.M. Anh em nhà Karamazov. Sài Gòn, 1972*), или в специальном номере периодического издания (журнал *Văn*. 1972. N 214), или отдельным изданием (*Жид А. Достоевский на горизонте русской литературы. Сайгон, 1974; Жид А. Достоевский в письмах. Сайгон, 1975*).

¹⁴ *Nhất Linh. Viết và đọc tiểu thuyết. Sài Gòn, 1972. Tr. 80.*

¹⁵ *Trịnh Chúyết. Dostoevski // Từ điển danh nhân. Sài Gòn, 1964. Tr. 138.*

письма» шире, объявив Достоевского писателем «необыкновенных страстей, откровенных до предела человеческих душ с неописуемыми сомнениями и колебаниями»¹⁶. Нгуен Хьен Лэ, находясь под влиянием Вогюэ и Фрейда, пытался объяснить стиль письма Достоевского болезненными страданиями, которые перенес писатель, оправдывавший «бездны» в душе и «всю жизнь страдавший ради своего авторства»¹⁷. Объясняя «патологические» импульсы персонажей Достоевского «сублимацией», освобождающей подсознательные комплексы автора, литературовед Нгуен Хью Хьеу (Nguyễn Hữu Hiệu) прямо указал на первоисточник: «Концепция Фрейда освещает автобиографические элементы в произведениях Достоевского и подчеркивает темы преступления и патологии»¹⁸. Позже некоторые стали воспринимать «трудную манеру» Достоевского как повествовательный стиль «хаоса»: «Персонажи романа временами выдвигаются вперед, игнорируют автора, говорят сами. Некоторые игнорируют и читателей, забывают о них, обращаясь к другим персонажам (присутствующим или не присутствующим) бесконечными своими речами»¹⁹. Эта манера объявляется предпосылкой «нового романа»: «Тенденция „нового романа“ появляется не случайно, а формируется именно повествовательной техникой, начиная с Достоевского, — и до Кафки и Мальро»²⁰.

Следует отметить, что трудности восприятия произведений Достоевского не помешали исследователям в Южном Вьетнаме высоко оценить Достоевского-мыслителя.

Переводчик Нгуен Нгок Минь (Nguyễn Ngọc Minh) оценил «Бесов» как «политический», «лучший идеологический роман в мире», «до сих пор имеющий пророческое значение для нашего времени» именно потому, что «гений автора заключается в идеях, пронизывающих тысячу страниц...»²¹. Нгуен Хью Хьеу повторяет традиционное противопоставление Достоевского и Толстого: «Может быть, Толстой — художник совершеннее, чем Достоевский, но Достоевский-мыслитель более велик, чем Толстой»²². Другой точки зрения на эту проблему придерживается Нгуен Хьен Лэ: «Удивительно! Два величайших русских писателя, Толстой и Достоевский, своими романами вместе указали нам путь смирения и братства»²³.

¹⁶ Nguyễn Hiến Lê. Dostoievski — một kẻ suốt đời chịu khổ để viết // Bách khoa. 1960. N 82–83. Tr. 42.

¹⁷ Ibid. Tr. 35.

¹⁸ Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoievski và thế giới // Dostoievski F.M. Đầu xanh tuổi trẻ. Sài Gòn, 1974. Tr. 791.

¹⁹ Võ Phiến. Chúng ta, qua cách viết. Sài Gòn, 1972. Tr. 114.

²⁰ Vũ Đình Lưu. Thăm kịch văn hóa. Sài Gòn, 1966. Tr. 20.

²¹ Nguyễn Ngọc Minh. «Lũ người quí ám» dưới con mắt người Việt Nam // Dostoievski F.M. Lũ người quí ám. Sài Gòn, 1972. Tr. 7–11.

²² Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoievski // Dostoievski F.M. Anh em nhà Karamazov. Sài Gòn, 1972. Tr. VIII.

²³ Nguyễn Hiến Lê. Dostoievski — một kẻ suốt đời chịu khổ để viết. Tr. 40.

Идеология героев Достоевского заставляла исследователей связывать ее с нищезанятием: «Как и идеи Ницше, идеи Достоевского потрясли мир страшным взрывом и сыграли решающую роль в судьбе человечества»²⁴. Вслед за Н. А. Бердяевым Нгуен Хыу Хьеу высоко оценил Достоевского как великого «антрополога», «дотронувшегося до глубинных границ всего человечества» и, как и Ницше, положившего конец «старому рационалистическому гуманизму»²⁵. Восхваляя пафос свободы выбора и страстей человека в творчестве Достоевского, Нгуен Хыу Хьеу жестко критиковал идеологию Раскольникова — «нигилиста», «революционера, предка большевизма»²⁶ и прямо объявил рациональное устройство земного счастья Великого инквизитора «декларацией социализма» — «религии земного хлеба, муравейника»²⁷. Весьма заметно, что Нгуен Хыу Хьеу пытается объединить идеи «нигилиста», «сверхчеловека», «экзистенциального человека» в творчестве Достоевского с буддийским учением о карме: «Человек, как свободное существо, обязан пережить нигилистическое преступление и закаляться в адском, очищающем огне <...> . „Свобода—преступление—страдание“ — это диалектическое движение. Свобода ведет к преступлению. Преступление ведет к страданию, а страдание ведет к спасению и освобождению»²⁸. Таким образом, противопоставление «за» и «против» в творчестве Достоевского сменяется периодизацией жизни человека: «Три брата Карамазовых — это три аспекта одной личности и три этапа в жизни автора: Дмитрий, или детский романтический период страсти к Шиллеру; Иван, или период юности сомнения с социалистическими атеистическими теориями Фурье, Прудона, Луи Блана; и Алеша, или зрелый период вновь обретенной веры в народ и православие. Обобщая, можно сказать, что три брата: Дмитрий–Иван–Алеша и незаконнорожденный Смердяков символизируют ряд „любовь–идея–воля–инстинкт“ подобно Чжу Бацзе — Сунь Укун — Сюаньцан — Ша Сэн»²⁹. Только вместо путешествия на Запад Алеша начнет путешествие на Восток навстречу „Свету с Востока“, в русле пророчеств старца Зосимы»³⁰.

В другой работе Нгуен Хыу Хьеу яснее определяет свой буддийский подход к Достоевскому: «По А. Жиду, Достоевский с внутренними противоречиями, отрицающий разум, насилие, неизбежно придет к какому-нибудь буддизму. Вьетнамская молодежь, наоборот, от буддизма

²⁴ Ibid. Тр. 159.

²⁵ Ibid. Тр. 156.

²⁶ *Nguyễn Hữu Hiệu. Lời giới thiệu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. Sài Gòn, 1973. Тр. 137.*

²⁷ *Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoevski. Тр. 120–121.*

²⁸ Ibid. Тр. 156.

²⁹ Имена персонажей в «Путешествии на Запад» (У Чэнъэнь; 1590), одном из четырех самых известных китайских классических романов, очень популярном во Вьетнаме.

³⁰ *Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoevski. Тр. 142–143.*

идет к какому-нибудь Достоевскому с приемлемой концепцией доброты, братства»³¹. Таким образом, тезис о необходимости найти «своего Бога» вновь звучит своеобразно — как призыв к объединению в «смирненной любви».

Нгуен Хыу Хьеу пытался примирить противоречия Достоевского «гармонией» монистической системы. Однако другие исследователи именно посредством этих противоречий подчеркивали экзистенциальное одиночество человека среди абсурдного «хаоса». Тхач Чыонг (Thạch Chương) объявил «Записки из подполья» «первым экзистенциалистским произведением в истории европейской литературы, записывающим признаки приближения большой грозы в современной западной философии: мания внутренней жизни, беспокойства, решения, выбор человека, отдаляющегося от толпы, без Бога, без идеала, вне закона...»³² Нгуен Куок Чу (Nguyễn Quốc Trụ) дополнил мысль Тхач Чыонга: «Идея человека из подполья — это обреченное всечеловеческое чувство одиночества, бесконечного одиночества...»³³

В отличие от философского подхода большинства ученых, первый во Вьетнаме переводчик и исследователь «Преступления и наказания» Чыонг Динь Кы (Trương Đình Cử) подходит к творчеству Достоевского более как к поэтической системе. Ему принадлежит оригинальная пространственно-временная таблица художественного мира «Преступления и наказания», анализ жанровой специфики произведения как романа-трагедии, а также ряд наблюдений над организацией системы персонажей романа Достоевского. Чыонг Динь Кы первым во Вьетнаме использовал аналитический подход к полифонической природе романа Достоевского: «Достоевский любит рассказывать и быть выслушанным. Он желает также, чтобы его сторонники и его оппоненты также могли высказаться до конца. Он сеет идеи в головах и сердцах людей, дабы проследить, что может получиться из этих идеологических зерен <...>. Итогом этих идеологических „ядерных реакций“ оказывается излучение духовной энергии»³⁴.

В Южном Вьетнаме влияние повествовательной манеры Достоевского на современную литературу также наблюдалось, но в не слишком явном виде. Такого рода следы влияния русского писателя можно увидеть в творчестве Ву Хак Хоана (Vũ Khắc Khoan) (в пьесе «Не боящиеся смерти») и Тхань Там Туена (Thanh Tâm Tuyền) (в романе «Рак»).

³¹ Nguyễn Hữu Hiệu. Dostoevski và thế giới // Dostoevski F.M. Đầu xanh tuổi trẻ. Sài Gòn, 1974. Tr. 807.

³² Thạch Chương. Chỉ một lần thôi và chẳng bao giờ nữa (Thay cho lời giới thiệu «Hồi ký viết dưới nhà hầm») // Văn. 1966. N 11. Tr. 3.

³³ Nguyễn Quốc Trụ. Đọc «Hồi ký viết dưới nhà hầm» // Văn. 1967. N 1. Tr. 122.

³⁴ Trương Đình Cử. Lời nói đầu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. Sài Gòn, 1972. Tr. 6–7.

III. В Объединенном Вьетнаме (период с 1975 г.)

После объединения страны в 1975 г. переводы произведений Достоевского, изданные вместе с комментариями южновьетнамских исследователей и переводчиков, вместе с оценками и аналитическими обзорами западноевропейских мыслителей о Достоевском проникали на север страны, высвобождая «из подполья» симпатии интеллигенции к русскому писателю на территории бывшей Демократической Республики Вьетнам. Филологи-русисты, вновь обратившиеся к оригинальным текстам Достоевского, принялись исправлять старые переводы и переводить ранее не переведенные произведения писателя. Советско-вьетнамский договор о дружбе и сотрудничестве, заключенный 3 ноября 1978 г., содействовал этому процессу.

В 1982 г. появился высококачественный перевод «Преступления и наказания», вскоре вышли переводы «Кроткой» (1987), «Белых ночей» (1987), «Униженных и оскорбленных» (1987), «Сна смешного человека» (2001), статьи «Г-н — бов и вопрос об искусстве» (2001), а также новые переводы «Братьев Карамазовых» (1988, 1990), «Бедных людей» (2006), «Подростка» (2010). До 2000-х гг. практически все старые переводы Достоевского были переизданы с исправлениями, сделанными после внимательной текстологической работы.

Переоценка значения литературных классиков в истории литературы в Советском Союзе 1970–1980-х гг., «новое мышление» и «перестройка» после распада СССР в 1991 г. отозвались переменами в отношении читающей публики Вьетнама к Достоевскому. Существенные изменения общественно-социального строя во Вьетнаме способствовали тому, что читатели заново перечитывали произведения Достоевского вместе с переводами статей Ч. Айтматова, Д. Гранина, С. Белова, И. Волгина, О. Паса, М. Кундеры, монографиями М. Б. Храпченко («Достоевский и его литературное наследие»; пер. 1978), М. М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского»; пер. 1992–1993), С. Цвейга («Достоевский — три мастера»; пер. 1996), Л. П. Гроссмана («Достоевский»; пер. 1998).

В 1981 г. во Вьетнаме была отмечена сотая годовщина смерти Достоевского, в связи с этой датой был организован ряд научных мероприятий.

В 2001 г. журнал «Иностранная литература» выпустил номер, посвященный Достоевскому (№ 6).

Начиная с 1990 г. творчество Достоевского заняло видное место в программе вузов Вьетнама и пособиях по русской литературе. Был защищен ряд диссертаций по творчеству Достоевского в России (1996) и во Вьетнаме (2002), опубликован сборник статей и монография о жизни и творчестве писателя (2000, 2006). К настоящему моменту можно констатировать существование в стране национальной школы достоеведения.

Научные исследования произведений писателя идут в трех основных направлениях: социально-философском, нарратологическом и рецептивном.

Социально-философские исследования связаны с изучением «социального пафоса, активного гуманизма»³⁵ в произведениях Достоевского. Нгуен Ким Динь (Nguyễn Kim Đính) высоко оценивает «гения реалистического романа» Достоевского в «Преступлении и наказании» как творца «гармонического сочетания глубокого взгляда в потаенные уголки сознания, психологию персонажей, и взгляда, охватывающего социальную действительность, сложные человеческие отношения»³⁶. Отрицая «пропаганду философии смирения, религиозной России» как «ошибку и утопию» Достоевского, Нгуен Хай Ха (Nguyễn Hải Hà) утверждает «горячие следы современности», «веру в народ, заботу о счастье народа» в произведениях писателя и подчеркивает, что «гуманизм» писателя и тенденция «изображения сущности реальности» проявляются «не только в картинах страданий нищих людей, <...> но и в том, что Достоевский жестко критикует буржуазный индивидуализм. Он описывает людей, замученных идеей „переступить черту“ дозволенного, бунтовать любым способом, чтобы утвердить абсолютную личную свободу <...>. Он глубокий психолог, имеющий дар провидения»³⁷. Нгуен Ким Динь и Нгуен Хай Ха с осторожностью относятся к так называемой «достоевщине» как «крайней психологии, потенциально отходящей от реализма к натуралистической патологии»³⁸ и подчеркивают «стремление к гармонии» у Достоевского. «Открытие сложности внутреннего мира человека» и «эстетики абсурда»³⁹ у Достоевского уже не смущают исследователей.

Лэ Шон (Lê Sơn) сравнивает Достоевского с «доктором, который точно прогнозирует общественные болезни, дает рецепт и лекарство»⁴⁰.

Именно «глубокая пропасть» и «огромная бездна» в душах персонажей Достоевского оцениваются Чан Тхи Бонг Зьау (Trần Thị Bông Giầu) как черты, присущие «модернистскому», «экзистенциалистскому роману», и как предупреждение писателя о наступлении «морального хаоса человечества, проникнутого атеизмом и агрессией»⁴¹.

До Хай Фонг (Đỗ Hải Phong) в статье о «Бесах» также пишет о страшном пророчестве в этом «романе-предупреждении» Достоевского, объясняя психологические импульсы персонажей сложностью

³⁵ Nguyễn Kim Đính. F. M. Dostoievski // Lịch sử văn học Nga. Hà Nội, 1990. T. 2. Phần 2. Tr. 15.

³⁶ Ibid. Tr. 38.

³⁷ Nguyễn Hải Hà. Khát vọng hài hòa // Báo Văn nghệ. 1981. 14 Tháng 10. Tr. 5.

³⁸ Nguyễn Kim Đính. F. M. Dostoievski. Tr. 16.

³⁹ Đỗ Đức Dục. Stendal và Dostoievski — hai bậc thầy của tiểu thuyết tâm lý // Kỷ yếu Hội thảo khoa học ĐHKH Huế. Huế, 1988. Tr. 96.

⁴⁰ Sáng tác của Dostoievski — những tiếp cận từ nhiều phía. Thông tin khoa học xã hội. Hà Nội, 2000. Tr. 4.

⁴¹ Trần Thị Bông Giầu. Từ «Người đàn ông dưới hầm» đến «Raskolnikov» trong tiểu thuyết Dostoievski // Giao điểm. 2004. N 10. [Электронный ресурс] <http://tranthibonggiay.net/3-KienThucVanHoc/html/nguoidanong.html> (дата обращения 14.01.14).

идеологической системы писателя, подчеркивая обращенный ко всему человечеству призыв Достоевского к «ответственности за идеи»⁴².

Та же тема соотношения реализма и психологизма у Достоевского звучит в трудах литературоведа Фам Винь Кы (Phạm Vĩnh Cư), отрицающего психоаналитический и фрейдистский подходы к изучению жизни и творчества Достоевского. Он утверждает: «У Достоевского психоанализ не является самоцелью, но средством открытия духовного мира, мира идей, убеждений, заполняющих душу и определяющих поступки людей»⁴³. Исследователь так объясняет «фантастический реализм», «реализм в высшем смысле» великого писателя: «Достоевский умеет живо и правдиво описывать реальность, увиденную глазами и ощущаемую чувствами <...>, но художественная цель Достоевского в другом. Он стремится к первостепенной реальности, реальности сущности, определяющей явления. Этот реализм, как правило, отбрасывает многие внешние, легко увиденные явления жизни, жертвует „правдоподобием“, обращается к исключенному, фантастическому, чтобы найти сущность, ибо там сконцентрированы „проклятые вопросы“ человечества, которые незаметны в обычных явлениях»⁴⁴. В ранней статье (1982 г.) о «Преступлении и наказании» Фам Винь Кы отмечает пафос социального протеста Раскольникова и Катерины «во имя справедливости» в «бунте» как «сигнале завтрашней бури», восхваляя «гения писателя, следующего больше за диалектической логикой жизни, чем за метафизически-религиозными убеждениями»⁴⁵. В более поздней статье 2001 г. исследователь замечает: «Если в предыдущие десятилетия общественное сознание увлекали волнующие мятежи, негативные прогнозы, пророчества Достоевского, отрицательное начало в его творчестве, то сегодня человеческое сознание с каждым днем становится более чутким к его убеждениям, к свету идеала и веры Достоевского»⁴⁶. С этой точки зрения, в анализе произведений Достоевского Фам Винь Кы подчеркивает «социальную сентиментальность» в «Бедных людях», видит веру в воскресенье не только в финале «Преступления и наказания», но и в «Идиоте», сочувствует «одностороннему оптимизму», «благообразию» Макара Долгорукого в «Подростке» и «деятельной любви» старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» как надежде самого Достоевского на «воскресенье всего человечества ради бессмертной жизни

⁴² Đỗ Hải Phong. Bàn lại về vấn đề Dostoevski và tư tưởng cách mạng dân chủ Nga những năm 1870 qua tác phẩm «Lũ người quỉ ám» // Kỷ yếu Hội thảo khoa học kỷ niệm 80 năm Cách mạng Tháng 10 Nga. Hà Nội, 1997. Tr. 133–141.

⁴³ Phạm Vĩnh Cư. Dostoevski — sự nghiệp và di sản // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 154.

⁴⁴ Ibid. Tr. 143

⁴⁵ Phạm Vĩnh Cư. Lời giới thiệu // Dostoevski F.M. Tội ác và hình phạt. T. 1. Hà Nội, 1982. Tr. 13.

⁴⁶ Phạm Vĩnh Cư. Dostoevski — sự nghiệp và di sản. Tr. 135.

Истины, Доброты и Красоты»⁴⁷. Именно в свете идеалов Достоевского Фам Винь Кы отвергает мнение о тождестве идей «богостроителя» Достоевского и «богоборца» Ницше⁴⁸.

Пытаясь найти нить, объединяющую реалиста, психолога, идеолога и пророка Достоевского, несколько акцентируя идею Достоевского о «народной почве», в своей монографии о творчестве Достоевского (2006 г.) До Хай Фонг (Đỗ Hải Phong) определяет идеалы писателя: «Достоевский верит, что сознание силы Красоты (для него она тождественна Добrote, Человечности) и народной „почвы“ — спасение для человека. После страшных, хаотических колебаний человек найдет свой путь к сознательной соборной любви и гармонии <...>. Творчество Достоевского полно предчувствия такого будущего»⁴⁹.

Нарратологический подход к творчеству Достоевского основан на научном интересе к поэтической системе писателя. Интерес к такому аспекту возник во многом благодаря концепциям «романа-трагедии» Вяч. Иванова и «полифонического романа» М. М. Бахтина. Вслед за теоретиками литературы достоеведы Нгуен Ким Динь, Фам Винь Кы, Нгуен Хай Ха подвергли аналитическому разбору вопрос о композиции и поэтике романа Достоевского. Нгуен Ким Динь рассматривает феномен «двойничества» в системе персонажей «Преступления и наказания»⁵⁰. До Хай Фонг развил этот тезис до «композиционного принципа, одновременно и центростремительного, и центробежного», охватывающего и окружающую действительность, и ее отзвуки в самосознании центрального героя⁵¹. Лэ Хонг Ха (Lê Hồng Hà) в специальной статье пишет о «двойничестве как способе выражения внутреннего мира персонажей» в основном на материале «Двойника»⁵².

Вопрос способа изображения и устройства композиции непосредственно связан с построением повествования и фигурой нарратора. Диссертация До Хай Фонга «Проблема Хроникера в творчестве Достоевского» (Волгоград, 1996) углубляет собственно нарратологический аспект поэтики Достоевского. В этой работе исследователь проследил эволюцию формы повествования со складывающимся своеобразием выявленного «динамичного» нарратора — посредника в творчестве Достоевского. До Хай Фонг выделяет четыре модели «позиций» повествователя (Хроникер — очевидец, Хроникер — «медиум слухов», Хроникер — «открытый автор» и Хроникер — «скрытый автор»), а так-

⁴⁷ Ibid. Tr. 175.

⁴⁸ Ibid. Tr. 156.

⁴⁹ *Đỗ Hải Phong*. Tác gia tác phẩm văn học nước ngoài trong nhà trường: F. M. Dostoevski. Hà Nội, 2006. Tr. 77.

⁵⁰ *Nguyễn Kim Đình*. F. M. Dostoevski. Tr. 39.

⁵¹ *Đỗ Hải Phong*. Tác gia tác phẩm văn học nước ngoài trong nhà trường: F. M. Dostoevski. Tr. 75–76.

⁵² *Lê Hồng Hà*. Bản ngã thứ hai, phương thức thể hiện nội tâm nhân vật của Dostoevski // Văn học nước ngoài. 2001. N 6. Tr. 180–188.

же определяет многоступенчатую организацию соотношения «ликов» Хроникера с абстрактным автором и предметами рассказа. При этом исследователь подчеркивает, что разноликость Хроникера — лишь видимое свойство в *статичном* состоянии повествования, в *динамичной* же совокупности точек зрения Хроникера отражается его глубинное интегрирующее качество — гибридность. «Вмонтированность» временных пластов и синтетичность описания субъективно переживаемого и объективно существующего пространств определяют структурную гибридность образа Хроникера. Хроникер смешивает различные повествовательные позиции и своим единым сознанием объединяет их в одно целое. В целом рассказ Хроникера можно оценить как творческую деятельность человека, познающего и переживающего за судьбу мира. В смене ликов Хроникера — «динамичного нарратора» (он же — гибридный образ) отражается история его развития, его путь познания. Таким образом, в едином гибридном Хроникере совершаются сочетание и смена объективного и субъективного, снимаются противоречия между художником-реалистом и мыслителем-пророком. Также через этот образ, дополняя Бахтина, можно утвердить значение «категории становления» в творчестве Достоевского. Проследив дальнейшую эволюцию образа Хроникера — Антона Лаврентьевича — в «Бесах», как «пытливого русского мальчика», До Хай Фонг заметил: «В „Подростке“ Достоевский делает ищущего русского мальчика главным героем романа, в „Братьях Карамазовых“ он берет многие черты Антона Лаврентьевича для создания образа Алеша»⁵³.

Рецептивный подход к творчеству Достоевского с конца 1990-х гг. не ограничивается изучением фактов восприятия, осмысления, подчеркиванием своевременности произведений писателя для эпохи и народа, но направлен на то, чтобы «выяснить соотношение писатель–произведение–читатель, определить и представить уровни эстетического вкуса, рецептивные зоны, эстетические дистанции между поколениями»⁵⁴. Перспективными в этом смысле оказываются работы таких исследователей, как Фам Тхи Фыонг (Phạm Thị Phương), Чан Тхи Фыонг Фыонг (Trần Thị Phương Phương), Чан Тхи Куинь Нга (Trần Thị Quỳnh Nga), которые изучали явления переложения и стилизации под романы Достоевского в произведениях вьетнамских писателей. Интерес представляет изучение проблемы «непереводимости» стиля писателя и неизбежности его потери в переводах (Фам Тхи Фыонг), а также опыта рецепции Достоевского в России и в мире в разные эпохи, которое провели Выонг Ть Ньян (Vương Trí Nhàn), Чан Тхи Фыонг Фыонг и Фам Тхи Фыонг. Можно также выделить типологическое сравнение

⁵³ *Đỗ Hải Phong*. Vấn đề người kể chuyện Chroniker trong sáng tác của F. M. Dostoevski (Luận án TS Ngữ văn). Volgograd, 1996. Tr. 145.

⁵⁴ *Phạm Thị Phương*. Vấn đề tiếp nhận Dostoevski tại Việt Nam: Luận án TS Ngữ văn. TP. Hồ Chí Minh, 2002. Tr. 2.

Достоевского с другими мировыми писателями в восприятии современного читателя — этот вопрос исследовали Лэ Шон, До Хай Фонг. Отметим антилогоцентрическое деконструктивистское прочтение поэмы Ивана о Великом инквизиторе как образца «текста текстов», которое сделал Фам Нгок Лан (Phạm Ngọc Lan). Немаловажны попытки исследователей, таких как Лэ Нгок Ча (Lê Ngọc Trà) и Нгуен Фьонг Кьет (Nguyễn Phương Kiệt), выявить, что лежит в основе интереса нынешнего читателя к творчеству Достоевского — современность, религиозность или художественная сила?

Следует заметить, что общее число исследовательских работ о Достоевском во Вьетнаме с 1975 г. до настоящего времени сравнительно невелико, однако их научная ценность и культурное значение неуклонно повышаются.

Вьетнамские писатели после 1975 г. все чаще обращаются к Достоевскому как литературному учителю. Влияние на их творчество оказывают такие особенности произведений Достоевского, как образы двойников, герои с парадоксальным самосознанием, совмещающие в себе противоположные начала, образы юродивых, людей, несовместимых с обществом, мотивы «случайного семейства», описания снов, пафос преодоления «хаоса». Следуя за Достоевским, современные вьетнамские писатели строят модели «мира без Бога», изображают тоску по утраченным идеалам красоты и счастья. Следы влияния Достоевского можно видеть в творчестве Нгуен Минь Чау (Nguyễn Minh Châu) («Картина», «Базар Зьят»), Нгуен Хуи Тхьеп (Nguyễn Huy Thiệp) («Без короля», «Преступление и наказание»), Нгуен Вьет Ха (Nguyễn Việt Hà) («Шанс Бога»), Та Зуи Ань (Tạ Duy Anh) («В поисках героя») и др.

* * *

Можно заключить, что почти век общения с творчеством Достоевского принес Вьетнаму немало пользы. Особенно ценным культурным обретением оказались «социальная сентиментальность» писателя, его боль за униженных и оскорбленных, утопическая мечта о соборной, «деятельной любви». Трудно сказать, чем определяется этот выбор. Нгуен Фьонг Кьет пытается объяснить: «мы более чутки к сентиментальности, чем к философичности»⁵⁵. Возможно, это так, но, может быть, и не только так. Окончательного ответа пока нет. Диалог с Достоевским во Вьетнаме продолжается.

⁵⁵ Nguyễn Phương Kiệt. Dostoevsky trong thế giới hiện đại // Talawas [Электронный ресурс]. 8/3/2008. www.talawas.org/talaDB/showFile.php?res=12501&rb=0103